

Типология детских стихотворений

Детская поэзия, в отличие от произведений классической поэзии, традиционно представленной в программах дошкольных учреждений, адресована детям, в том числе и главным образом – дошкольникам. Классический возраст «от двух до пяти» приходится как раз на то время, когда ребенок ходит в детский сад, а родители не озабочены еще школьными проблемами. И хотя стихи занимают прочное место в системе дошкольного образования, беремся утверждать, что детская поэзия таит в себе богатые неиспользованные пока ресурсы, способные доставить детям подлинное эстетическое удовольствие и одновременно заложить основы культуры художественного восприятия. Важно только, чтобы стихи эти были подобраны «по росту», а педагоги понимали, как с этими стихами обратиться к ребенку, какие задачи поставить, как организовать восприятие.

Необходимо особо подчеркнуть, что речь идет именно о детских стихах – то есть тех, что написаны специально для ребенка детскими поэтами, психологически точно учитывающими особенности возраста. Причем эта детскость у настоящих детских поэтов связана не только (и не столько!) с неопытностью ребенка, незначительностью его жизненного опыта и с другими «не», но в первую очередь с преимуществами возраста: живостью игрового начала, образным восприятием мира, свежестью переживания слова (в том числе и его звуковой формы), склонностью одушевлять мир предметов, отсутствием поэтических штампов (которые нередко нарабатываются в школе) и открытостью к новым впечатлениям, эмоциональной чуткостью.

Чтобы педагогу легче было сориентироваться в разнообразном мире детской поэзии, представим свое видение типологии детских стихов, а проще сказать, попытаемся разобраться в том, какими бывают детские стихи – по характеру текста и тем установкам, которые поэты воплотили в том или ином

поэтическом произведении. Подчеркнем: типология эта никак не связана с тематикой стихов, полностью независима от нее.

Предлагаем рассмотреть три группы детских стихов, которые условно назовем игровыми, образными и лирико-философскими.

Игровые стихи

В игровых стихах поэты затевают с детьми ту или иную игру, как бы предлагая детям сыграть в нее, предварительно разгадав правила игры (а как без этого сыграешь?). Такие стихи есть почти у всех детских поэтов.

Вот два игровых стихотворения современной поэтессы Юнны Мориц.

Гуляли у реки
Великое Мумукало,
Великое Мяукало
С известным Кукарекало
Гуляли у реки.
А славное Чирикало

Им песенки чирикало
Про лошадь Игогокало,
Что рядом или около
Всегда кусочек сахара
Возьмёт с моей руки.

Лимон Малинович Компресс
Когда я с дерева слезал,
Меня бы крокодил слизал,
Но чудом спас меня профессор
Вагон Вагонович Вокзал.

Диван Диваныч Табурет?
Ты простудился, это – бред?
Простуду вылечит профессор
Дельфин Дельфиныч Винегрет.

Вагон Вагонович Вокзал?
Ты что-то странное сказал.
А на волнах тебя качал
Арбуз Арбузович Причал?

Дельфин Дельфиныч Винегрет?
Ты сам простудой перегрет!
Куда наш детский врач исчез –
Лимон Малинович Компресс?!.

Арбуз Арбузович Причал?
Таких я что-то не встречал,
Но передал тебе привет
Диван Диваныч Табурет.

Лимон Малинович Компресс?
Он едет в лифте через лес,
И едет в лифте по реке
Он с чемоданчиком в руке.

В первом стихотворении игра довольно простая. В нем незамысловатый сюжет (корова, кошка, петух гуляли у реки, а воробей – ну или другая птичка – насвистывала им песенку о том, что можно покормить лошадку сахаром с руки) «затуманен» столь же незамысловатыми словесными головоломками.

Головоломки заключаются в переименовании героев стишка – коровы, кошки, петуха, птички, лошадки. Этим знакомым маленькому ребенку животным присвоены необычные имена – имена не в смысле кличек, а как новые наименования, слова, которыми они называются. Корова превратилась по воле поэтессы в мумукало, кошка – в мяукало и т.д. Этим стихотворение немного напоминает загадки со словами-заменами: «Из кустов шипуля, за ногу тяпуля (змея)». Однако весь «фокус» стихотворения заключается не в расшифровке слов-замен (как в загадке), а в удивлении, удовольствии от самого переименования, в возможности переименовывать все новых и новых потенциальных персонажей стиха (гавгавкало, хрюхрюкало, крякрякало и др.), в комическом эффекте этих переименований, в игре по заданной и совершенно прозрачной словообразовательной модели.

Модель эта – присоединение к звукоподражательному слову частички «-кало» или «-ало» (мяу-кало, чирик-ало) – или же просто превращение глагола прошедшего времени среднего рода в существительное – трудно сказать! – с легкостью интуитивно вычленяется ребенком. Он легко продолжит ряд превращений, сыграет тем самым в предложенную поэтессой игру. А попутно получит урок грамматики, все с той же легкостью разобравшись в том, что в пятой строке «Чирикало» – это птичка (существительное), а в шестой слово «чирикало» обозначает действие этой птички (глагол). Это, безусловно, грамматическая пропедевтика, дотерминологическое «нащупывание» грамматических категорий.

Легкость игры, предложенной поэтессой, ее доступность маленькому ребенку определяется тем, что игра эта опирается на широко представленную в нашем языке модель образования имени существительного от глагола: пугать – пугало, покрывать – покрывало, жалить – жало, светить – светило и др. На память приходит и популярный советский мультфильм «Чучело-Мяучело»; по данным Википедии, «после выхода этого мультфильма само выражение «чучело-мяучело» стало крылатой фразой. Многие родители в шутку называли

так своих детей, когда они вели себя не слишком хорошо и необходимо было их за что-то пожурить».

Заметим попутно, что стихов с подобными переименованиями знакомых существ и предметов в детской поэзии немало: вспомним хотя бы английскую народную песенку «Котауси и Мауси» в переводе К. Чуковского (здесь игра спровоцирована звучанием английского слова mouse):

Жила-была мышка Мауси
И вдруг увидала Котауси.
У Котауси злые глазауси
И злые-презлые зубауси.

Подбежала Котауси к Мауси
И замахала хвостауси:
"Ах, Мауси, Мауси, Мауси,
Подойди ко мне, милая Мауси,
Я спою тебе песенку, Мауси,

Чудесную песенку, Мауси!"

Но ответила умная Мауси:
"Ты меня не обманешь, Котауси!
Вижу злые твои глазауси
И злые-презлые зубауси!"

Так ответила умная Мауси -
И скорее бегом от Котауси.

Стихи эти неизменно встречаются детьми веселым смехом, а затеянная в них игра со словами естественным образом присваивается детьми. Причем присвоение может происходить механически, с минимальным творческим вкладом ребенка – тогда просто придумываются новые слова-замены (ногауси, спинауси и др.) – или с более значительным творческим вкладом: дети могут продолжить стихотворение или придумать новый принцип для слов-замен (Жила-была мышка Мышенция, И вдруг увидала Кошенцию и т.д.).

Стихотворение «Лимон Малинович Компресс» обыгрывает актуальную для ребенка и достаточно сложную для него модель «фамилия, имя, отчество», которой взрослые приучают его пользоваться с ранних лет (в обращениях к воспитателю, например). Мориц «прячет» игру в несколько абсурдный (небыличный) сюжет. Однако внимание приковано к словесной игре, которая по своей неожиданности и странности превосходит причудливость описываемых событий, отвлекает от них. Меняющиеся фамилии, имена и отчества профессора-доктора (или нескольких профессоров – не совсем ясно!) устроены намного проще, чем обычные фамилии-имена-отчества. Во-первых, все они строятся из знакомых детям слов, у которых есть известные им

значения (вокзал, лимон и др.) – в отличие от обычных фамилий-имен-отчеств, часто состоящих из неизвестных детям слов (Константин, Иннокентьевна, Евдокия, Златоустова и др.), почти всегда лишенных значения (кроме редких имен типа Роза, Лев, причем их значения не имеют отношения к людям, которым они принадлежат). Во-вторых, имя и отчество здесь чаще всего совпадают (Вагон Вагонович и др). В третьих, имя, отчество и фамилия здесь оказываются связанными между собой по значению (Диван Диваныч Табурет, Лимон Малинович Компресс) – хотя это и не обязательно (Дельфин Дельфиныч Винегрет).

Словообразовательные игры, представленные в рассмотренных примерах – самые распространенные в детских стихах. В них часто прячутся игры со значением слов, также нередкие в детских стихах: «Когда я с дерева слезал, / Меня бы крокодил слизал» (омофоны – пишутся по-разному, значат разное, но звучат одинаково) и др. Менее распространены в стихах фонетические игры, приковывающие внимание ребенка к звучанию слова, нередко (как и в словообразовательных играх) через его деформацию, нарочитое (и как правило смешное, веселое) искажение.

Григорий Кружков
(по мотивам Спайка Миллигана)

Грюши

Вы когда-нибудь

Ели грюши?

Нет, не груши,

А именно грюши?

Это истинный деликатес!

Их вкус.

Я поставлю пятерку им

С плюсом

И добавлю

еще один плюс!

Грюши с виду

Длиннее и уже,

Но не хуже,

Чем груши дюшес.

Эти грюши

Выращивать трудно,

Нужен тонкий

И тщательный

Труд.

Но зато

Удивительно людно

На базарах,

Где их продают.

Тот, кто кюшал

Когда-нибудь

Грюши,

Никогда не забюдет

Здесь сначала деформируется одно слово, точнее, один звук [р] (превращается в [р']), но далее поэт «увлекается» игрой и подменяет мягкими практически все согласные звуки, стоящие в положении перед гласным [у]. Яркое и весело актуализируется признак твердости/мягкости согласных, провоцируется игра в превращение твердых звуков в мягкие.

Игры со словами – или лингвистические игры – самые распространенные в детской поэзии. Однако встречаются игры с формой организации стихотворного текста, с ритмом и рифмой. Яркий пример – два стихотворения С. Михалкова «Всадник» и «Одна рифма» (считаем возможным не приводить тексты этих стихотворений, ставших хрестоматийными с советских времен). Оба они строятся на формировании читательского ожидания, которое в одном случае настроено на присутствие точной рифмы и строгого ритма («Всадник»), а в другом случае – на отсутствие рифмы («Одна рифма»). Из более новых примеров приведем стихотворение современного поэта Вадима Левина.

Вадим Левин

Я встретил собаку

(из Майкла Розена)

Недавно за свалкой старья у вокзала

Я встретил собаку по имени Том.

Собака меня совершенно не знала,

И я с ней практически был не знаком.

Недавно за свалкой старья у вокзала

Я встретил собаку по имени Джим.

Ни слова приветствия она не сказала,

Как будто я был совершенно чужим.

Недавно за свалкой старья у вокзала

Я встретил собаку по имени Джек.

Собака, увидев меня, убежала,

Хоть я не такой уж плохой человек.

Недавно за свалкой старья у вокзала

Я встретил собаку по имени Фред.

Собака варёную кость догрызала,

А я торопился на званый обед.

Недавно за свалкой старья у вокзала
Я встретил собаку по имени Дог.
Собака с улыбкой хвостом завиляла,
А я захотел завилять, да не смог.

Недавно за свалкой старья у вокзала
Я встретил собаку по имени Жак.
Собака без дела на травке лежала,
А я сочинял вам стихи про собак.

Недавно за свалкой старья у вокзала
Я встретил собаку по имени Джейн.
Собака, подумав, меня покусала
За то, что о ней написал я нескладно.

Последняя строчка нарушает читательское ожидание, сформированное в результате единообразия предшествующих шести строф: последняя (четвертая) строка каждой строфы должна укладываться в ритм стиха и рифмоваться со второй строкой. Легко вычленяется и еще одно правило: первые две строки всех строф почти одинаковые, разница только в кличке собаки. Появляется новая кличка – требуется новая рифма, новое завершение строфы. Получается игра: придумай новую кличку, заверши строфу! Взрослый может и сам предложить кличку, дети должны будут придумать подходящую концовку. Игра активизирует свойственное ребенку чувство ритма, «открывает» рифму, которая раньше скорее всего не была заметна, актуальна для ребенка.

Очень популярны в детской поэзии (в особенности в стихах, восходящих к жанру народной небылицы) разного рода игры с жизненным материалом. Механизм восприятия ребенком текстов этого типа, остроумно названных К. Чуковским «лепыми нелепицами», блестяще описан им в книге «От двух до пяти» (глава «Лепые нелепцы»). Однако некоторые из этих текстов представляют собой такую игру, правила которой легко заметить, подхватить, в которую можно и хочется «сыграть».

Пример такого текста – переведенная Чуковским английская народная песенка:

Скрюченная песня
Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.

И была у них одна
Скрюченная кошка,
И мяукала она,
Сидя у окошка.

А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.

А за скрюченным мостом
Скрюченная баба
По болоту босиком
Прыгала, как жаба.

И стояли у ворот
Скрюченные ёлки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки.

И была в руке у ней
Скрюченная палка,
И летела вслед за ней
Скрюченная галка.

Продолжая художественную логику английской песенки, естественно продолжить «скрючивание», пополняя скрюченный мир все новыми и новыми предметами; попутно можно подхватить незамысловатый ритм песенки и ее несложную рифмовку. Песенка может спровоцировать и другую игру, например, все может становиться не скрюченным, а маленьким, тоненьким, ласковым, новеньким и т. д.

Образные стихи

Образность – одно из базовых свойств искусства, причем не только словесного. Детская поэзия дает блестящие возможности сформировать у детей опыт восприятия поэтических образов, сначала самых простейших, но постепенно становящихся все более сложными и неожиданными. Важно лишь отобрать волнующий ребенка, близкий ему материал.

Светлана Пшеничных
Ежина семейка
Ёлка будто бы
Ежиха,
А под ёлкой
Тихо-тихо
Стайкой
Маленьких ежат

Шишки бурые
Лежат.

Здесь предметом поэтического изображения стала ёлка с шишками, в которой поэтесса заметила сходство с ежихой с ежатами. Действительно, ёлка похожа на ежиху тем, что колючая, вся в иголках; однако в стихотворении на первый план выходит другое: шишки для ёлки – как маленькие детки (они ведь действительно от нее родились, и ветки ёлки опущены вниз, как бы окружая, оберегая упавшие шишки), как ежата для ежихи... Согласитесь, в обычной жизни нам вряд ли приходило в голову так посмотреть на ёлку, сквозь идею материнства. Это и есть поэтическое впечатление, рождающее сопереживание, делающее наше восприятие мира более тонким и одухотворенным.

Вот подобное – элементарное – но какое удивительное и неожиданное – стихотворение Владимира Орлова:

Шепчет солнышко
Шепчет солнышко листочку:
– Не робей, голубчик!
И берет его из почки
За зеленый чубчик.

Обычное природное явление – выход молодых листочков из почек весной – представлено здесь как обращение солнышка к листочку, шепот солнышка; листику страшно, а солнышко успокаивает его, вытаскивает из почки за «чубчик» (кончик листика, высунувшийся из почки наружу). Все одушевлено, наделено чувствами, отношениями; все рождает эмоциональный отклик, сопереживание. Воспринять такое стихотворение – значит увидеть эту картинку глазами поэта, представить себе, вообразить: как это – у листика чубчик, почему? Почему солнышко шепчет – не говорит, не требует? Почему листик робеет? Наверное, страшно... из темной почки – наружу? В каком-то смысле ребенок переживает состояние листика, откликается на него, сочувствует, подбадривает его вместе с солнышком. Ведь всем известна сила детской эмпатии...

В приведенных примерах мы встречаемся со зрительными (визуальными) образами. Но в детской поэзии широко распространены также образы звуковые, создающие звуковое впечатление. В качестве примера приведу стихотворение Ренаты Мухи «Ужаленный уж».

Бывают в жизни чудеса –
Ужа ужалила Оса.
Она ужалила в живот,
Ужу ужасно больно, вот.

А доктор Ёж сказал Ужу:
«Я ничего не нахожу,
Но все же, думается мне,
Вам лучше ползать
На спине,
Пока живот не заживет.
Вот».

Нарочитый повтор звука [ж] создает впечатление жужжания осы, подобно тому, как в стихотворении В. Орлова «Ворона» повторение звуков [к] и [р] (в разных сочетаниях) передает звук каркающей вороны.

– Кра! –
Кричит ворона. –
Кража!
Караул!
Грабеж!
Пропажа!
Вор прокрался
Утром рано!
Грош украл он
Из кармана!
Карандаш!
Картонку!
Пробку!
И красивую
Коробку!
– Стой, ворона

Не кричи.
Не кричи ты,
Помолчи.
Жить не можешь
Без обмана –
У тебя ведь
Нет кармана.
– Как?! –
Подпрыгнула ворона,
И моргнула
Удивленно:
– Что ж вы раньше
Не сказали?!
Кар-р-раул!
Кар-р-ман!
Укр-р-рали!

Детям будет интересно прочитать такие стихи, подчеркивая (выделяя голосом, растягивая) звуки, работающие на создание звукового образа,

буквально заставить осу жужжать, а ворону – каркать! Возможно, при поддержке педагога, дети отыщут и другие слова, которыегодились бы поэтам для создания звукового образа осы (жутко, лежит и др.) или вороны (секрет, крыло и др.).

В других случаях звуковой образ создается с помощью специальных звукоподражательных слов – эти слова («ко-ко-ко», «хрю-хрю» и др.) очень популярны в речи детей, в фольклоре и стихах для детей – вспомним хотя бы сказки Чуковского «Путаница», «Телефон» и «Муха-цокотуха», изобилующие подобными звукоподражаниями. Но иногда поэты создают оригинальные (не существующие в повседневной речи) слова такого рода – как, например, в стихотворении Ирины Пивоваровой:

Что случилось утром

Ранним утром	Бум-бар-рах!
Таррарам	Бум-бар-рах!
Раскатился по дворам,	Грозный, громкий
Раскатился, покотился	Бумбаррах!
По дворам и по садам,	
По садам и по полям,	Как схватились,
По полям и по лесам,	Как сцепились
По лесам, по небесам —	Таррарам
Тар-ра-ра-а-м!	И Бумбаррах,
	Рассердились,
А за ним	Бились, бились —
На всех парах	Ну и страх!
Мчался грозный	Испугались небеса —
Бумбаррах...	Лили слезы три часа.

Любопытно, что поэтесса не просто имитирует в звукоподражательных словах звук грома, но и присваивает раскатам грома звукоподражательные имена (в конце стихотворения появляется зрительный образ: дождь как слезы, плач небес). Подобное звукоподражательное словотворчество встречаем во многих стихах Юнны Мориц («Тумбер Бумбер», например), Вадима Левина (вспомним Чириктю и Мяуктю!), Михаила Яснова и других детских поэтов.

Дети легко понимают звукоподражательные изобретения, сигнализируя об этом веселым смехом или понимающими улыбками. Причем такие стихи, демонстрирующие свободу обращения с языком и поэтическую выдумку, раскрепощают детей, позволяя им самим озвучивать мир по своему усмотрению, создавать собственные звукоподражательные образы.

Лирико-философские стихи

Стихи, которые мы отнесли к этой группе, обладают лирическим или философским подтекстом, скрывают под несложным и понятным ребенку внешним сюжетом или описанием потаенный и сложно выражаемый словами смысл или переживание, впечатление.

Ирина Пивоварова
Разговор с сорокой

Я сороке сказала:
– Сорока,
Погости у меня
Хоть немного!
Я на печке
Тебя поселю,
Мягкий коврик
Тебе постелю,
Сладким чаем
Тебя угощу,
А потом
У тебя
Погощу.

– Нет уж, нет уж!
Сорока сказала.–
Погости
У меня ты
Сначала!
Я на ветке
Тебя поселю,
Теплый мох я
Тебе постелю,
Самым вкусным
Жуком
Угощу!
А потом
У тебя
Погощу.

В этом «симметричном» стихотворении все понятно ребенку: человек (девочка?) разговаривает с сорокой (это привычно для ребенка в стихах – разговор с птицей, жучком, солнышком и т.д.), приглашает сороку в гости – но сорока отказывается, к себе зовет! Смешно немного, конечно: сорока предлагает поселить человека на ветке и угостить жуком! Но за этим диалогом прячется достаточно сложный и глубокий для малыша смысл – мы все любим

то, что нам привычно, и часто не понимаем, что другим требуется совсем другое; а то, что ценим мы, кому-то оказывается безразлично, смешно или глупо... Что мы все разные и не всегда понимаем друг друга – стоит ли продолжать попытки выразить словами неуловимый поэтический смысл?

Лирический подтекст явственно ощущается и в другом (тоже «симметричном»!) стихотворении Ирины Пивоваровой:

В Австралии далекой

В Австралии далекой
Есть птица
Кукебурра.
Когда она встречает
Утренний
Восход,
Она смеется громко
И радуется
Бурно,
И прыгает по веткам
Задом наперед.

В Москве,
На Первой Брестской,
Живет Петрова Шура.
Она, как только встанет,
Смеется
И поет.
С утра, как просыпается,
В постели
Кувыркается
И прыгает
По комнате
Задом наперед.

В стихотворении, предметный план которого вполне понятен малышу, изящно выражена идея радости бытия, счастья, бодрости, восторга (и в далекой Австралии, и в Москве, и неведомая птичка, и вполне понятная Шура одинаково радостно встречают новый день).

Необходимо отметить, что многие стихи объединяют возможности всех представленных групп, сочетая в себе элементы игры, образные «превращения» и лирический подтекст.

Михаил Яснов
Ути-ути
Под берёзой,
Под осинкой,
Шевелясь едва-едва,
Будто выводок утиный,
По реке плывёт листва.

– Не забудьте, не забудьте
Возвратиться к нам весной!..
Ути-ути!.. Ути-ути...
Утихает мир лесной.

И стоят деревья-мамы,
И тревожно шелестят,
И глядят на самых-самых
Жёлтых
маленьких
листьят...

Наиболее ярко в этом стихотворении представлена, конечно, образность: плывущая по воде листва воспринята как утиный выводок! И действительно, своей легкостью, кучностью, подвижностью, ну и конечно же желтым цветом осенние листья, плывущие по воде, очень похожи на стайку маленьких плывущих утят... Живо и неожиданно, и точно! Но вот и игровое слово: «листьят»! Сплелись, срослись два слова: «листьяев» и «утят»! К корню «лист» присоединился суффикс «-ят», служащий для образования множества слов, обозначающих детенышей («ребята», «козлята», «слонята» и др.). И эта игра поддержана еще одним образом: деревья-мамы. Ну а листьята, конечно, их дети! А вот и лирический подтекст: деревья-мамы прощаются с уплывающими листьями, надеясь на возвращение весной, и свои листьята – самые-самые (любимые, дорогие – а не самые желтые, недаром же перед словом «желтых» обрывается строка).

В заключение подчеркнем, что каждая группа стихов (игровые, образные, лирико-философские) предполагает особые способы восприятия, разные реакции детей. А это значит, что и взрослые должны по-разному организовать это восприятие, предложить детям в одном случае «сыграть» в затейные поэтами игры, в другом – вообразить (прожить, представить себе, возможно, даже нарисовать или как-то иначе воплотить, исполнить) созданные поэтами образы, в третьем – задуматься над спрятанными за строчками стихов

смыслами. Однако это уже методическая проблема, решение которой выходит за рамки настоящей статьи.